

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В РУССКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В. Г. Волощенко

Дальневосточный институт иностранных языков, г. Хабаровск

Поступила в редакцию 16 мая 2010 г.

Аннотация: данное исследование затрагивает вопросы грамматической категории числа в двух языках – русском и японском. Для воссоздания более полной картины проводятся сопоставления как в синхронии, так и в диахронии.

Ключевые слова: русский язык, японский язык, типология языка, множественное число существительных, морфология, диахрония.

Abstract: this article is devoted to the grammatical category of number in two languages – Russian and Japanese. There are comparisons in synchronic and diachronic aspects for a reconstruction of fuller picture.

Key words: Russian language, Japanese language, typology of language, numerical category of nouns, morphology, diachronism.

Умение мыслить числами является одним из великих и древних достижений человечества. Сложность понимания проблемы, кроме чисто математических мотивов, состоит еще и в том, что число может мыслиться абстрактно, но в обществе функционирует либо как слово, либо как знак (например, цифра). Математику или философу, прежде чем говорить о числе, необходимо снять лингвистическое или лингвографическое понимание, чтобы получить свой объект – математическое или философское. Лингвисту, напротив, необходимо понять число как факт языковой онтологии, как член языковой структуры и системы [1, с. 76].

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному изучению семантики, морфологическому выражению и функционированию категории числа в японском и русском языках. Японский и русский языки имеют каждый свою историю развития, характеризуются своими грамматическими особенностями. Несмотря на это, оба языка сопоставимы по ряду категорий. К таким категориям относится, прежде всего, грамматическая категория числа, считающаяся универсальной, следовательно, характерной для каждого из языков бинарной оппозиции.

Цель данного исследования – установление совпадений и расхождений в семантике, морфологии и функционировании категории числа существительного в японском и русском языках (ЯЯ и РЯ).

Материалом исследования послужили художественные произведения японских авторов, сказки, сценарий к видеофильму, отдельные номера журнала «Ниппония» за 2004–2008 гг., всего 15 350 страниц,

а также данные историко-этимологических, толковых, комбинаторных и словообразовательных словарей японского и русского языков.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в установлении общего и частного у РЯ и ЯЯ, относящихся к разным языковым семьям, что имеет определенное значение как для теории и методологии сопоставительного языкознания, так и для лингводидактики, а также теории и практики перевода. Знания и навыки одного из изучаемых языков могут служить основой для аналогии, в то же время могут быть предотвращены интерференция и ложная аналогия как фактор отрицательного влияния при освоении одного из сравниваемых языков.

Число, исчисление и грамматическая категория числа имени существительного образуют сложную систему, играющую наряду с другими важную роль в языке и речи. Это обусловлено, с одной стороны, денотатной соотнесенностью имени, с другой – необходимостью обозначения синтаксических связей между словами в предложении.

Изучение проблемы категории числа неоднократно было предметом обсуждения в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Это Л. С. Бархударов, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, О. Е. Лукин, М. Н. Петерсон, А. А. Потеня, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, Ш. Балли, в японистике – В. М. Алпатов, И. Ф. Вардуль, А. А. Холодович, И. В. Головнин, Ямада Ёсио, Хасимото Синкити, Мацусита Дайсабуро, Минами Фудзио, Samuel E. Martin, Roy A. Miller, Nanette Twine и т. д.

Грамматическая категория числа служит для выражения количественных характеристик предметов

мысли [2, с. 583–584], является одним из проявлений более общей языковой категории количества, одной из 10 языковых категорий, выделенных еще Аристотелем, наряду с лексическим проявлением, таким как числительные или как количественные обозначения в других частях речи (*сотня, единственный, мало* и др.) [2, с. 215–216].

Различают семантическую грамматическую категорию числа существительных и личных местоимений (так называемое «субстантивное число»), с одной стороны, и синтаксическую (согласовательную) грамматическую категорию числа прилагательных (в том числе и местоименных прилагательных *какой-то, чьи-нибудь*) и глаголов – с другой. Так, в примере *Там лежат большие мячи* форма множественного числа существительного непосредственно отражает количество обозначаемых объектов («несколько мячей»), а форма множественного числа прилагательного, как и форма глагола, лишь согласуется с формой существительного *мячи* [2, с. 216].

В ЯЯ существуют две категории числа, одна из которых связана с наличием или отсутствием обозначения репрезентативной множественности (эллиптическая функция), другая – с противопоставлением единственного и множественного числа (существует только для личных местоимений). Обе категории выражаются одними и теми же показателями: служебными словами *ра, гага, домо, тати*, противопоставленными по вежливости [3, с. 47–59]. В литературе обсуждается морфологический статус данных показателей. Большинство российских исследователей-японистов – И. Ф. Вардоль, А. А. Холодович,

И. В. Головнин, а также такие японские авторы, как Ямада Ёсио, Хасимото Синкити, Мацусита Дайсабу-ро, Минами Фудзио, и зарубежные японоведы Samuel E. Martin, Roy A. Miller, Nanette Twine – считают, что данные показатели являются суффиксами по своей природе. В. М. Алпатов в своей статье [3] на богатом языковом материале доказывает, что показатели множественности являются ни чем иным, как служебными словами, так как могут располагаться в предложении вдали от основных существительных, чье множественное число выражают.

В нашем исследовании, результаты которого приведены в табл. 1, было выявлено 302 случая выражения множественности в разностилевых текстах общим объемом 100 000 знаков. Для вычисления среднего показателя использования маркеров множественности и межстилевого сопоставления применяется термин теории вероятности – частота употребления на отрезке в 1000 знаков. Наивысшая частота употребления (показателя *надо*) составила 1,16–2,13, больше всего показатель использовался в тексте «Дневника продавца», изобилующего элементами бытового диалога. На втором месте следует показатель редупликации 0,4–1,75, который больше всего применялся в текстах сказок, направленных на детскую аудиторию. Третье место – у показателя *тати* – 0,21–1,5 наиболее встречающегося ввиду нейтральной стилистической окраски. Широкое распространение он получил в тексте сказок, где присоединялся к именам существительным, обозначающим животных (в других текстах в данных случаях достаточно факультативен). Четвертое место – у показателя *домо*,

Т а б л и ц а 1

Способ выражения множественности	«Дневник продавца» (56 000 знаков) / частота употребления на отрезке 1000 знаков	Гэндзи-моногари (4000 знаков) / частота употребления на отрезке 1000 знаков	Сказки (4000 знаков) / частота употребления на отрезке 1000 знаков	Сценарий к видеофильму (5000 знаков) / частота употребления на отрезке 1000 знаков	Публицистика (31 000 знаков) / частота употребления на отрезке 1000 знаков
Редупликация 71 пример (23,5 %)	48 / 0,86	4 / 1	7 / 1,75	0	12 / 0,39
Ра 24 примера (8 %)	21 / 0,38	0	0	0	3 / 0,1
Тати 31 пример (10 %)	12 / 0,21	1 / 0,25	6 (в 3 словах) / 1,5	3 / 0,6	9 / 0,29
Надо 171 пример (56,5 %)	119 / 2,13	8 / 2	8 / 2	0	36 / 1,16
Гага 0 %	0	0	0	0	0
Домо 5 примеров (2 %)	0	0 (1 – лексикализация)	0 (1 – лексикализация)	1 / 0,2	2 / 0,6

распространенного в нашем случае среди текстов с высокой долей когнитивной информации; частота употребления – 0,2–0,6. Данный показатель является наиболее вежливым. Последнее место – у показателя *ра*, имеющего ярко выраженную низкостилистическую окраску; частота употребления – 0,1–0,38. Он также встречался в «Дневнике продавца», характеризуемого обилием неформальных выражений.

Наиболее частотным, вне зависимости от стилиевой принадлежности материала, явилось служебное слово *надо* – всего было употреблено в 171 случае. Например: *Хадзимэ кара кау ки нара татийми надо сэдзу ни сасса то каттэ каэрэба ий даро!* – Ну почему бы, если уж такое желание купить, не купить и уйти, а надо обязательно постоять почитать и все такое прочее! (упоминание об остальных действиях покупателя, а не только чтения в зале) («Дневник продавца»).

Ки но ясасий кани-кун о, конна мэ ни авасэру нантэ. – Заставить так пострадать доброго краба (и еще долго лечиться)! Использование *нантэ*, варианта слова *надо* (Сказка про краба и обезьяну).

Надо не встретилось только в сценарии к видеофильму, что, на наш взгляд, может объясняться сообщениями компрессии при подаче материала и опущением средств, рассматриваемых как избыточные.

На втором месте по встречаемости в материале стоит такое средство, как редупликация, – употреблено в 71 случае. *Суру то, каки но хана ва цуги цуги то аой ми ни кавари, ягатэ акаку наттэ икimasита.* – Вскоре цветы хурмы один за другим превратились в зеленые плоды и через какое-то время созрели (повторение основы *цуги цуги то* – буквально *один за другим*, что обозначает *все*) (Сказка про краба и обезьяну). *Мата мо то:дзё: но кю:но: на хито бито дэ ару.* – И опять появились праздные люди (множественное число «люди», *хито бито*, образуется за счет редупликации основы «человек», *хито*) («Дневник продавца»).

Служебное слово *тати* – на третьем месте, всего 31 пример. *Хока но кисаки-тати мо, вакамия га осанай има кара, ю:га дэ ки дакаку ирассяру но дэ, макото ни кавай расий кэрэдо, кидзумари нао асоби аитэ то, дарэмо га омоттэ оримасита.* – И другие государыни все считали, что юный принц и сейчас в столь нежном возрасте изящен, высок духом и на самом деле чрезвычайно мил, однако его присутствие слишком стесняет (множественное число *государыни* образуется при добавлении слова *тати* к *кисаки* – государыня) (Гэндзи-моногатари).

Нагано кара оёсо нихяккиромэ:тору ханарэта Нагоя но дзитаку дэ ва, окусан га киндзё но кодомо-тати ни сю:дзи о оситэ имас. – А дома, в Нагоя, в 200 км от Нагано, жена занимается с соседскими ребятами каллиграфией. (Дети *кодомотати* об-

разуется прибавлением *тати* к слову *кодомо* ребенок). (Видеофильм «Тансинфунин» («Работающие вдали от дома»)).

Служебное слово *ра* использовалось в 24 примерах, например: *Каи ни куру хито ва, кяку то ёбарэ, карэра ва мокутэки но моно о каи ни куру дакэ но ё: дзи дэ комбини ни яттэ куру.* – Тот, кто приходит, называется «клиент», они приходят в магазин только по одной причине – купить то, что им надо. (Местоимение *карэ* «он» превращается в «они» при добавлении слова *ра*) («Дневник продавца»).

Тэньин ва мотирон корэра о тинрэцудана ни нарабэнакэрэба наранай. – Продавцам, конечно же, вменено в обязанность раскладывать их (товары) по полкам.

Слово *домо* нам встретилось в 5 случаях, в 2 из которых – в лексикализованном варианте (потеря семы множественности) *кодомо* – ребенок.

Служебное слово *гата* полностью отсутствовало в материале.

С выделением в основе категории числа привативной оппозиции связаны определенные сложности, так как в конкретном высказывании в зависимости от контекста может специально подчеркиваться как единичность предмета или лица, так и их определенное количество, т. е. принадлежность некоторому дискретному множеству. Иными словами, имя может быть актуализировано любой из двух граммем числа. Как неактуализованные по числу выступают неисчисляемые существительные различных семантических групп (собираательные, вещественные, абстрактные, имена собственные и т.д.). Таким образом, категория числа взаимодействует с категорией собирательности как обозначением недискретного (нечленимого) множества (слова типа рус. *пролетариат*, *брюки*, *очки*; яп. прорэтариа:то (*прорэтариа кайкю:*, т.е. класс пролетариев), *дзубон*, *мэганэ* независимо от оформления их как единственного или множественного числа). Взаимодействие категории числа происходит и со словообразованием, поскольку в случае образования форм множественного числа существительного с несоотносительной формой единственного числа (так называемых *singularia tantum*) можно говорить об определенных расхождениях в лексической семантике форм чисел (*вода–воды*, *песок–пески*) [4, с. 120].

Все же принято считать, что граммеы числа у исчисляемых имен достаточно четко противопоставляются друг другу семами единичности и множественности и имеют формальное выражение. Кроме того, формы множественного числа могут передавать несколько вариантов значения множественности, доминантой которой является значение «чистой множественности», передаваемое грамматическими формами числа существительного.

При выражении значения числа количественным или неопределенным местоимением-числительным (*несколько, все* и т. д.) принято говорить об истинной множественности, когда дается информация о точном или приблизительном количестве предметов.

Что касается собирательных существительных, можно отметить, что в строгом смысле они не имеют отношения к грамматической категории числа, так как не соотносятся с представлением о расчлененном множестве, представляя множество как единство. Поэтому собирательные имена причисляют к группе неисчисляемых существительных, в рамках которой они и должны рассматриваться в связи с категорией числа.

Таким образом, следует согласиться с А. Л. Зеленецким, который утверждает, что категория числа интерпретационна и отражает реальные количественные отношения предметов только на первый взгляд [4, с. 121].

Специального внимания заслуживает категория числа у местоимений. У истинных местоимений-субститутов значение числа повторяет соответствующее значение заменяемого слова. А так называемые формы множественного числа личных местоимений 1-го и 2-го лица передают обычно несколько иные значения. Так, рус. *мы* вообще может не передавать значения чистой множественности, поскольку понятие «я» всегда говорит об уникальности личности адресата. Тем самым семантически местоимение *мы* интерпретируется как «я + вы» (инклюзивное значение) или «я + они» (эксклюзивное значение). Русское *вы* передает либо значение чистой множественности (много лиц, каждое из которых обозначается как *ты*), либо значение, аналогичное инклюзивному («ты + они»).

Таблица 2 иллюстрирует дистрибуцию категории числа среди частей речи обоих сопоставляемых языков.

Категория числа представлена в русском языке в следующих частях речи: как семантическая у существительных, местоимений, как синтаксическая, или согласовательная, у прилагательных, финитных формах глагола и причастий. В ЯЯ категория числа существует у существительных, выражающих одушевленные предметы, у личных и некоторых указательных местоимений.

Если в ЯЯ значение числа реализуется синтетическим средством – служебными словами *ра, домо, тати, гата*, служебным словом *надо*, являющимися регулярными показателями [3, с. 47–59], то в РЯ средства выражения категории числа могут быть морфологическими или синтаксическими. Среди нерегулярных показателей в ЯЯ можно упомянуть редупликацию, префиксацию при помощи *сё-, бан-, ката-, рё-* [5, с. 78–81] (Министерством просвещения рекомендовано употребление *тати* для обозначения 1-го лица, для прочих лиц – *ра*) [6].

К морфологическим показателям в РЯ относятся окончания существительных, суффикс (*сын–сыновья*), ударение (*дом–домá*), супплетивизм (*ребенок–дети*), усечение основ (*господин–господа*), чередование (*ухо–уши*). Аналитические, т. е. синтаксические, средства выражаются формой согласования контрольного слова с другими (*мой костюм – мои костюмы*).

Некоторые ученые рассматривают существительные, не изменяемые по числам, как слова, находящиеся вне категории числа. Эта точка зрения критикуется А. П. Тихоновым и др., считающими, что «...все формы единственного числа противопоставлены всем формам множественного числа» [7, с. 11].

В категории числа собственно грамматические моменты тесно переплетаются с лексическими, поэтому эту категорию можно считать лексико-грамматической. Переплетение лексики и грамматики проявляется прежде всего в том, что не все существи-

Т а б л и ц а 2

Часть речи	Русский язык	Японский язык
Существительное	+	+ (только у одушевленных существительных, достаточно факультативна)
Прилагательное	+	–
Числительное	+(у порядковых числительных)	–
Местоимение	+	+ (часто встречается у личных местоимений)
Глагол		
финитная форма	+	
инфинитив	–	–
причастие	+	
деепричастие	–	
Наречие	–	–

тельные могут иметь обе формы числа. Семантика отдельных существительных не допускает счёта, и, значит, у них противопоставление единственного и множественного числа лишено смысла, т.е. оно семантически нейтрализовано. Подобные существительные избирают или единственное, или множественное число. Существительные, у которых оппозиция единственного и множественного числа нейтрализована, относятся к трем основным разрядам неисчисляемых существительных: *вещественные существительные, абстрактные существительные (в том числе названия действий), собирательные существительные*.

В русском языке существует значительная группа существительных, у которых представлена только сема множественности, выражаемая соответствующими морфемами числа, а также формами согласования прилагательных, глаголов, местоимений.

Для полноты картины необходимо показать, какое место категория числа занимает в системе языка. Обращаясь к русскому языку, легко заметить его характерную черту – наличие согласования в числе (и не только в числе) у прилагательных, местоимений, глаголов, порядковых числительных, чего мы не наблюдаем в японском языке.

В глаголах также достаточно четко выражено согласование с существительными, местоимениями в числе. В формах настоящего времени семы числа сочетаются с семами лица, что заставляет каждую морфему, выражающую настоящее или будущее время несовершенного вида, отчетливо показывать категорию числа.

В форме прошедшего времени сема единственного числа сочетается с семами рода (так называемый синкретизм), что придает структуре этих форм особый характер.

Проанализированные примеры позволяют получить представление о глубоком проникновении категории числа в части речи в русском языке. Иная картина получается в результате анализа данной категории в японском языке. Здесь категория числа наибольшим образом представлена в системе личных местоимений. Согласования в числе нет ни на каком уровне.

В отличие от русского языка, сема единичности в японском языке представлена только нулевой морфемой: *сэнсэй* – учитель, *нива* – двор и т. д.

В японском языке категория множественного числа представлена семой множественности, выраженной служебными словами *ра, домо, тати, гата*. Исторически эти слова присоединялись путем агглютинации к местоимениям и к собственно существительным (хотя и редко), например, в древнеяпонском мы встречаем: *Имо-ра о мируму нито* – «тот, кто,

наверное, видит девушек»; *ми-икуса-домо-ни* – «всем воинам»; *мороморо-но kami-тати-ни* – «всем богам». Эти суффиксы сохраняются на протяжении всей истории японского языка, однако частотность их употребления невелика (за исключением личных местоимений) [8, с. 74–75].

Личные местоимения, присоединявшие суффиксы множественности чаще всех частей речи, в древнеяпонский период были сравнительно немногочисленными (в отличие от периода XVI–XVIII вв.). Эти местоимения не имели супплетивных форм (ср. наличие данных форм у местоимений тунгусо-маньчжурских и индоевропейских языков). Множественность выражается при помощи того или иного суффикса, а не другого корня, но это необязательно, так как само местоимение могло обозначать несколько лиц.

Определенную роль в японском словообразовании играет редупликация (в периоды древнеяпонского и классического японского языка редупликация является одним из распространенных приемов слово- и формообразования). Удвоение именного корня придает слову значение множественности: *катагата-ни тукэтэ* – «об особах»; *мина воновоно вомофу кото-но митимити арамү каси* – «пусть у всех нас будут свои пути чувства (= пусть у каждого из нас будет свой путь)», *ямаяма танитани-ни икитэ* – «бродя по горам и долам» [9, с. 96].

На наш взгляд, ни один из способов, выражающих множественность в японском языке, не может быть отнесен к числу типологических признаков, характеризующих категорию числа в этом языке.

Таким образом, изучение категории числа в обоих языках позволяет сделать следующие выводы: категория числа в японском языке имеет чрезвычайно узкий характер с позиций грамматики, так как японский язык не располагает соответствующими морфологическими показателями, но имеет широкое лексическое выражение; в русском языке широко распространено согласование в числе, а также роде и падеже со всеми частями речи, в то время, как в японском согласование отсутствует.

Изучение категории числа в русском языке в силу всего вышесказанного гораздо труднее для японцев, изучающих русский. Для русских, изучающих эту категорию в японском языке, таких трудностей практически нет, за исключением начального этапа, когда студенты показатели множественности по аналогии с родным языком могут ставить к таким неодушевленным существительным, как стол, стул и т. д.

Сравнительное изучение грамматической категории числа в двух языках представляет определенный интерес с точки зрения методики преподавания и практики перевода.

Выводы, которые автор делает на основании анализируемого практического и теоретического материала, заключаются в нижеследующем.

В русском и в японском языках категория числа как семантическая присутствует у существительных и местоимений. Но в русском языке данная категория как синтаксическая (согласовательная) характерна для прилагательных, некоторых форм глагола и причастий. В японском языке категория числа выражается специальными словами, в русском набор средств гораздо шире – это окончания, ударение, супплетивизм, усечение основы, фонетическое чередование.

В практическом материале на японском языке слово *надо* имеет универсальный характер и распространено во всех стилях. Впервые было выявлено, что редупликация (второе место) чаще встречается в сказках, что объясняется дидактическим характером подачи материала; на третьем месте – слово *тати*, имеющее нейтральную стилистическую окраску. Наименее распространены высокостилистическое *дамо* и низкостилистическое *ра*.

Дальневосточный институт иностранных языков,
г. Хабаровск

Волощенко В. Г., аспирантка кафедры японской
филологии Восточного института Дальневосточного
государственного университета

E-mail: valeriav21@mail.ru

Тел.: (4212)36-59-08; 8-962-220-53-12

ЛИТЕРАТУРА

1. Реформатский А. А. Число и грамматика / А. А. Реформатский // Лингвистика и поэтика. – М., 1987.
2. Большой энциклопедический справочник «Языкознание». – М., 1988.
3. Алпатов В. М. О показателях множественности и категории числа в современном японском языке / В. М. Алпатов // Японское языкознание. – 1979.
4. Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков / А. Л. Зеленецкий. – М., 2004.
5. Кизэда М. Грамматика японского языка : пер. с яп.; общ. ред., предисл., коммент. и прил. Н. И. Фельдман. – Изд. 3-е, стереотипное / М. Кизэда. – М., 2004. – Т. I.
6. Корэкара но кэйго. – Токио, 1952.
7. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – М., 1981.
8. Сыромятников Н. А. Классический японский язык / Н. А. Сыромятников. – М., 2002.
9. Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык / Н. А. Сыромятников. – М., 2002.

Far Eastern Institute of Foreign Languages, Khabarovsk

Voloshchenko V. G., Post-graduate Student, Department
of Japanese Philology of Eastern Institute, Far Eastern State
University

E-mail: valeriav21@mail.ru

Tel.: (4212)36-59-08; 8-962-220-53-12